Марина Ветрова ✦ Камила Левитан

Измена жениха

Ты продал меня за миллионы,
а восточный миллионер ждал меня
десять лет!

Марина Ветрова

Измена жениха. Ты продал меня за миллионы, а восточный миллионер ждал меня десять лет!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена жениха. Ты продал меня за миллионы, а восточный миллионер ждал меня десять лет! / М. Ветрова — «Автор», 2026

За несколько часов до вылета в Марракеш Ася находит на планшете жениха фотографии его любовницы.Десять лет отношений рушатся мгновенно. Но измена оказывается лишь началом: Вадим собирался подставить её в многомиллионной сделке с произведениями искусства, оставив виновной за чужие махинации.В незнакомом Марокко Асе приходится защищать профессию, доброе имя и свободу.Неожиданным союзником становится Халид бен Аммар — влиятельный хозяин старинного дома, который помнит девушку ещё со студенческих лет.Пока предатель пытается вернуть власть над ней, Ася раскрывает тайну коллекции и узнаёт, что настоящая любовь иногда ждёт десятилетиями.Но сможет ли она снова довериться мужчине и поверить в любовь после всего пережитого?

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фото на планшете 5
Глава 2. Тот самый человек 8
Глава 3. Сделка, которой не будет 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Марина Ветрова, Камила Левитан
Измена жениха. Ты продал меня за миллионы, а восточный миллионер ждал меня десять лет!

Глава 1. Фото на планшете

Пахло аэропортом — кофе, дезинфекцией и чужими духами. Уперевшись в холодное стекло у окна зоны вылета, смотрела, как такси разъезжаются по мокрой полосе перед терминалом. Москва, начало ноября. Дворники у таксистов ходили вразнобой, кто-то сигналил без причины, и всё это — серое, будничное — было последней картиной моей прежней жизни, хотя я ещё об этом не знала. Через четыре часа наш рейс в Доху, оттуда — в Марракеш.

Через шесть дней — окончательный расчёт по сделке, над которой Вадим пахал два года: коллекция «восточной школы» Арнольда Розанова, двадцать восемь работ, сумма с восемью нулями. Моя подпись на экспертном заключении стояла на каждой странице. На каждой. До сих пор помнила, как вертела листы, проверяла свои инициалы в углу, как однажды попросила Вадима: «Тут опечатка в дате, перепечатай». И ещё дождалась новой страницы, придирчиво сравнила цифры. Заботилась. Как о своём.

— Аська, чай будешь? — Вадим стоял в двух шагах, протягивая мне стаканчик. Серый кашемировый шарф, аккуратная бородка; смотрел на меня, уже уверенный в согласии, как бывало при каждом его предложении. Десять лет влюблялась в этот взгляд. Десять лет принимала его спокойствие за надёжность, а привычку решать за двоих — за заботу. — Ты бледная. Поешь.

— Уже поела.

Враньё, но объяснять не хотелось; обхватила стаканчик, заняв себя хотя бы этим.

— Опять один йогурт? Ась, там пересадка, потом сразу к Розанову.

— Доем в самолёте. У нас ещё четыре часа, Вадим, успею проголодаться.

Чай был вкусный. Потом долго не могла пить такой чай из аэропортов — накатывало.

Мой собственный планшет разрядился ещё у дома, и без раздумий взяла его — лежал открытым на кресле, сверху куртки. Нужно было всего лишь расписание рейса.

На экране висло открытое приложение с фотографиями.

Сначала ничего знакомого. Просто чья-то квартира. Стол, вино, женское плечо. Потом в кадре проступила люстра — наша люстра, та, что мы с Вадимом везли на крыше такси три года назад и ржали, как он её обнимает в лифте и обещает водителю премию за каждый поворот без звона. Потом — подушка на диване. Горчичная. Выбирала её четыре недели, придирчиво щупая ткань в магазинах, потому что к ней шёл плед, а к пледу — шторы, и всё это было «наше гнездо», наше будущее, наша свадьба в мае.

А потом — Соня Розанова. Перепутать с кем-нибудь её было невозможно.

Она сидела на моём диване в моём халате — том самом, шёлковом, с запахом, который он мне привёз «просто так, люблю тебя». Её пальцы с красными ногтями лежали на его груди. Он целовал её в висок, и лицо у него было такое, каким оно бывало у него со мной только в первые два года. Расслабленное. Домашнее. Он не знал, что его снимают, — или знал и был счастлив.

Стояла под кондиционером и слушала, как он гудит. Этот звук заполнял всю голову. Гул. Даже собственное сердце куда-то делось — прислушивалась к себе и находила только тягучее гудение, как в раковине.

Фото было не одно. Листала — их были десятки, с датами. Год. Прокручивая снимки, считала месяцы: вот он «на конференции в Вене» — а на фото Вена, отель, Соня в банном полотенце с бокалом; вот он «у матери в Питере» — а мама, оказывается, очень фотогенична в компании Сони на набережной; вот он «пересиживает в офисе, не жди» — а офис, надо же, с двуспальной кроватью. Помнила каждое сообщение. Вспоминала, как расстраивалась, что он устал, и варила ему бульон заранее, на всякий случай, и замораживала. Отвечала: «Хорошо, люблю, береги себя». Отправляла ему сердечки. Десятками. Как дура. Как любящая женщина, что одно и то же.

Под фото в мессенджере висел открытый чат. Соня ему писала:

«Ну что, невеста твоя подписала всё? После Марракеша розановские бумаги уйдут в банк, и назад дороги нет. Ты обещал, что после сделки всё расскажешь ей сам. Не тяни».

Он ответил: «Не тяну. Ей конец один: подпись её, значит, ответственность её. Кто её слушать будет».

Ответственность её.

Прочитала фразу трижды. Слова были простые, русские, знакомые — а смысл не собирался, как разобранный шкаф без схемы. Подпись её. Ответственность её. Меня, оказывается, готовили к продаже — вместе с коллекцией, как расходный материал с приятной скидкой.

Подняла голову. Вадим стоял ко мне спиной — болтал с нашим куратором Лёшей про посадку, смеялся. Лёша что-то рассказывал про тёщу, Вадим качал головой, у него дёргался желвак от смеха — знакомый до боли желвак, столько раз целовала его. Плечо, на котором висел кашемир, тоже целовала тысячу раз. Кисти заледенели, точно до сих пор были прижаты к стеклу.

— Вадим.

Собственный голос удивил своей деловитостью. Внутри ревело, а снаружи — как у диспетчера.

Он обернулся. Посмотрел на моё лицо. Перевёл взгляд на планшет. И — вот что я запомнила на всю жизнь — он не испугался. Ни на грамм. Ни один мускул. Так смотрят на внезапный дождь: жаль, но ничего не поделаешь. Он поставил свой стаканчик на стойку, подошёл, забрал планшет из моих пальцев — мягко, как забирают нож у ребёнка — и выключил экран.

— Отойди, Лёша, на минутку.

Лёша, ничуть не удивившись, ушёл к стойке регистрации. Ничуть. Вот что важно. Они всё знали. Значит, знали не только они.

— Так. — Вадим взял меня за локоть и подвёл к нише с автоматами воды, где было тихо и пахло мокрым бетоном. — Ты взрослый человек, Ась. Скажи спасибо, что увидела до, а не после. Некоторые узнают из бумаг на развод.

— Целый год... — Губу свело, пришлось прикусить её изнутри. Нельзя. Не при нём. Ни одной слезинки: он следил за моим ртом с таким вниманием, что от этого хотелось заслониться. — Вадим, целый год. У нас свадьба в мае. Мы выбирали...

— Мы ничего не выбирали. — Он устало потёр переносицу, объясняя очевидное несмышлёному ребёнку. — Я выбирал. Ты беспокоялась. Соня — это Розанов. Розанов — это коллекция, аукционные входы, кредитная линия, которую нам с тобой десять лет не видать. А ты — ты моя лучшая экспертиза, Аська. Ты хоть понимаешь, что без твоей подписи половина провенансов — бумага? Чистая бумага. Никому не нужная. Ты красивая, умная, удобная. Но Соню мне её отец подпишет под кредит. Ты — нет.

— Удобная.

Слово застряло, как косточка.

— Это комплимент. — Он даже удивился отсутствию радости. В этом весь Вадим: он никогда не врал в мелочах, потому что мелочи считал не стоящими усилий. Врать в большом — пожалуйста. В маленьком — зачем, ведь можно сказать правду, ей всё равно не уйти.

Дальше задала самый глупый из возможных вопросов. Про любовь. В двадцать девять лет, с дипломом и собственной экспертной печатью, всё-таки выговорила:

— А любовь? Что, и её тоже выбирал ты? Всё это время?

Он посмотрел на меня почти с жалостью. Так смотрят на вопрос про Деда Мороза от слишком взрослого ребёнка. И тогда добил — спокойно, без злобы, и от этого в десять раз хуже:

— Любовь. Ася. Посмотри на провенансы, которые ты подписала. Оригиналы бумаг по трём работам лежат не там, где ты видела копии, и копии нарисованы. Нарисованы, понимаешь? Красиво, под возраст, с приветом. Розанов платит за красоту, банк платит за красоту. Но если кто-то когда-нибудь поднимет архивы — и гром грянет, подпись на бумаге твоя. Не моя.

Вадим склонил голову и подался ближе.

— Меня защищает договор с галереей. Тебя защищает твоя вера в меня, а её, как видишь, больше нет. Поэтому ты сейчас идёшь к стойке, улыбаешься и летишь в Марракеш закрывать сделку. Потому что если сделка развалится — первый вопрос будет: почему эксперт сомневалась и молчала? Твоя карьера, Ася. Твоя подпись. Твоя жизнь. Мне даже давить не надо, правда? Ты сама полетишь.

Он был прав. В том и ужас — в ту минуту его правота липла к ногам, как холодная мокрая юбка, и хотелось отдёрнуть ткань, а ухватиться было не за что. Целый год подписывала бумаги после проверки — прилежной, ограниченной тем, что он подавал. Над каждым листом сидела подолгу, а сам комплект собирал Вадим, выбирая удобные ему источники. Почему не подняла архивы сама? Потому что доверие, потому что десять лет, потому что он говорил «я уже проверял, Ась, я не первый год работаю». Потому что любила и была удобная.

— А если я всё расскажу сама? — Отвела взгляд от его шарфа, заставив себя смотреть Вадиму в лицо. — Розанову. На месте. Он покупает коллекцию, пусть знает, что получает.

Вадим улыбнулся. Он редко так улыбался — впервые за десять лет стало видно, какой у него рот, когда он по-настоящему жесток. Зубы ровные, губы тонкие. Надо же.

— Ты прилетишь в Марракеш, найдёшь Розанова и скажешь: я год подписывала бумаги, не проверяя архивы, а теперь мне совесть открылась? Ась, тебя вынесут из отеля за шиворот раньше, чем ты закончишь фразу. Твоё слово против моей карьеры и двухсотмиллионной сделки. Кому ты нужна?

Позже, очень позже, вспоминая эту секунду, уже могла различить, что во мне кончилось и что родилось. Кончилась та Ася, которая десять лет держала его чай в термосе и правила ему его же тексты, оставляя в авторской строке только его фамилию. Родилась другая, которой было страшно до дрожи — но страшно и всё. Страх, оказывается, бывает разный: тот, что парализует, и тот, что включает. У меня включился второй. О таком его свойстве прежде даже не подозревала.

В тот момент сделала единственное, что могла: наклонилась за своим стаканчиком, поставленным у автомата, и поднесла его к губам — следила за собой, как за чужой, ожидая дрожи, — и глотнула. Чай был уже холодный. Допила его до дна.

— Идём. Нас регистрируют. Поездку в Марракеш откладывать нельзя, ты же сам говорил.

— Вот и умница. По прилёте только сверка документов. Улыбаешься, отвечаешь на вопросы, через шесть дней получаем остаток.

— Про вопросы услышала. Отвечать буду.

Вадим выдохнул. Ему понравилось моё послушание — плечи расслабились, он уже искал глазами Лёшу и, наверное, собирался дослушать про тёщу. Он думал, что выиграл. Он думал, что закрыл вопрос.

У стойки Лёша забрал наши паспорта — «для регистрации соберу вместе, перед контролем каждому отдам, в Дохе тоже понадобятся», — и сунул их в свою папку-планшет. Проводила папку взглядом.

— А после прилёта?

Глава 2. Тот самый человек

Пришлось повторить вопрос: он уже отвернулся к сотруднице.

— Лёш, паспорт потом у меня останется?

— После въездного контроля соберу для заселения. Не переживай, всё получишь, мы же вместе едем.

Вадим кивнул за меня, и Лёша принял этот кивок как ответ. В папке лежали и мои документы, и бумаги по сделке. Всё, что было моей жизнью, убирал в папку чужой человек; он застёгивал её без суеты, а мне уже хотелось поблагодарить его перед выходом на посадку. Так меня выучили. Вежливой.

Достала телефон и написала в чат единственному человеку, о котором вспомнила в эту секунду, — куратору обменной программы, через которую десять лет назад к нам на семестр приезжал студент из Марракеша. Зачем пишу — объяснить себе не могла. Только один человек из прежней жизни оставался в стороне от этого дивана, халата, ужинов за моей спиной. Нужно было хотя бы спросить: тот ли ещё адрес у человека, о котором десять лет ничего не знала.

Отправила. Экран погас. Спустя несколько часов, после регистрации и контроля, где сама предъявила свой паспорт, объявили посадку на наш рейс; женский голос над головой звучал буднично, как всегда. И правда — ничего. Ещё не случилось.

Вадим взял меня под локоть — по-хозяйски, как брал тысячу раз, — и я пошла с ним по стеклянному коридору, считая шаги, чтобы не думать. Сорок три шага до рукава. Досчитала до сорока трёх и начала заново.

В кармане завибрировал телефон. Доставать при нём не стала. Впервые в жизни — и это маленькое «не стала» было как первый шаг той другой меня.

Прочитала ответ через сорок минут, когда самолёт уже висел над облаками, а Вадим спал в соседнем кресле, откинув голову, приоткрыв рот, — человек, который никогда не спал рядом со мной глубже, чем вполглаза. Вот, значит, как он спит. Вот сколько чужих привычек скрывалось за десятью годами совместной жизни.

Сообщение было короткое, на русском с лёгким акцентом в построении фраз, который я узнала бы из тысячи:

«Ася Гусева. Да, тот самый адрес. Тот самый человек. Прилетайте. Халид бен Аммар».

Смотрела на экран, пока он не погас сам, и в чёрном зеркале отражалось моё лицо — незнакомое, жёсткое в скулах. И впервые за день у меня не было ни слёз, ни страха. Было что-то другое. Как в очень тёмной комнате, где нащупала выключатель и услышала щелчок: света ещё нет, но уже можно ждать.

Халид бен Аммар. Аспирант с юга, который на первом семинаре сказал что-то дерзкое про древних греков, за что его продавили на защите, а он даже не заметил. Который принёс мне однажды кофе в бумажном стаканчике и сказал, что мой доклад — единственное, ради чего он ходит на русский отдел. Которому я сказала — я! — «ты интересный, но Вадим надёжный». Надёжный. Слово, которое я буду вспоминать всю оставшуюся жизнь.

Самолёт летел на юг, на солнце. Впереди оставались тысячи километров, Доха и ещё один перелёт.

Тогда ещё не знала, что в Марракеше сделка умрёт в первые десять минут, что мой паспорт уедет без меня, а я останусь стоять посреди чужого города с одной сумкой и одним именем в телефоне.

И не знала, что «тот самый человек» десять лет ждал этого сообщения.

Марракеш ударил в нос ещё с трапа: кориандр, жжёное масло, пыль и сладость. Ноябрь, а солнце стояло так, что тень под ногами казалась вырезанной ножницами. Белый город, терракота, где-то переговаривались голуби. Втянула этот воздух двумя-тремя глотками — как воду,

как лекарство, и вдруг захотелось запомнить его целиком, восполнить все двадцать девять лет, когда такое можно было только представлять.

— Дыши, Аська, — Вадим хлопнул меня по плечу. — Через неделю полетим обратно богатые и довольные.

Богатые. Довольные. Улыбнулась — впервые в жизни улыбка у меня получалась отдельным навыком, отдельно от лица. Рот — туда, глаза — сюда. Работает, между прочим. Ни один из них не заметил.

После въездного контроля Лёша снова собрал паспорта: «Для заселения, помните?» Свой отдала последней, ещё надеясь, что в гостинице получу его обратно.

Встречал нас представитель принимающей стороны — крепкий мужчина в идеальном светлом костюме, представился: Юсеф, ассистент господина бен Аммара. Рукопожатие у него было такое, что пальцы помнили его ещё минуту. Услышав фамилию, Вадим слегка выпрямился и тут же потянулся к шарфу — поправить узел. Значит, и он читал, кто здесь главный. Значит, он волнуется. Впервые за сутки волновался он, и от этого было приятно, скажу честно: до стыда приятно.

— Господин бен Аммар будет сегодня на приёме. — Юсеф повернулся к нам с переднего сиденья, когда мы ехали по набитой улице мимо рядов с апельсинами, горами кинзы, висячими тучами мяты. Мальчишка на перекрёстке нёс на голове поднос с глиняными стаканами и успевал оборачиваться к товарищам; только чуть вытягивал шею, и стаканы едва позвякивали. — Сделку он не начнёт, пока не взглянет на всё своими глазами. Розанов уже здесь, в риаде.

Розанов приехал с дочерью. Представления не потребовалось — Соня Розанова вышла из машины в белом льняном костюме, в огромных очках, и посмотрела на Вадима на одну десятую секунды дольше, чем положено смотреть деловой знакомой. Целую жизнь — в одну десятую секунды. В этом взгляде было «привет, ты мой» и «не дай бог что-то испортишь» — одновременно.

— Ася! — Она подошла ко мне первой, поцеловала в воздух возле щеки, от неё пахло дорогой пудрой и цветами. — Какая ты... настоящая. Мне Вадим столько про тебя рассказывал. Про твою верность делу.

Верность делу. Она произнесла это с паузой, с удовольствием, смакуя, как безе. Она знала, что я знаю. Она наслаждалась моей растерянностью, пробуя её на вкус: вот она, законная, вот она, настоящая, а халатик-то мой на ней вчера сидел лучше.

— Счастлива это слышать. — В огромных очках отражалась маленькая прямая фигурка; распрямила плечи ещё чуть-чуть. — Особенно в этом городе. Здесь, говорят, все чувствуют.

Она моргнула. Первая трещинка. Запомнила её, как запоминают первую победу в войне — она была мелкая, но моя.

Мы вошли в риад Розанова — глинобитно-белый дом с внутренним двором, где в центре плескался фонтан, а по краям стояли столы с развёрнутыми картами и папками. По углам дымились чаши с благовониями, где-то струилась запись игры на лютне, негромко, для антуража. Розанов-старший — грузный, в песочном пиджаке, с пальцами в кольцах — раскинул руки:

— Господа! Ешьте, пейте, потом делим деньги!

Чай. Финики. Пирожки с мясом, от которых пахло корицей и луком. Ела — заставляла себя откусывать и жевать, потому что дрожала, а стук ложки о блюдце за этим столом обязательно заметят. Вадим напротив рассказывал историю о том, как «находил» картину, — свою лучшую лекцию, слышанную раз двадцать: могла бы рассказать её сама, с его интонациями. Соня сидела рядом с ним и в нужных местах смеялась чуть раньше, чем заканчивалась шутка. У них был отрепетированный ритм. Как у пары, которая живёт вместе давно. Как у нас никогда не было.

А потом вошёл Халид бен Аммар.

Внутри толкнулось знакомое, почти забытое волнение; всмотрелась в подошедшего мужчину, пытаясь соединить нынешнее лицо с давним именем. Высокий, в тёмном, без единой лишней детали — ни запонок, ни часов на виду, ничего, чем можно зацепиться, и именно поэтому не оторвать глаз. Шёл по кафелю двора неслышно, без спешки. Ему уступали пространство, физически: Розанов сдвинулся, Юсеф отступил к стене, официант развернулся заранее. Лицо — смуглое, спокойное, с прямыми бровями; глаза быстро и профессионально пробежали по столам, по бумагам, по людям.

И остановились на мне.

Секунды две. Не больше. Но захотелось прикрыть ворот платья: до чего же внимательно он смотрел, точно уже добрался до той страницы, которую хотелось спрятать.

— Господин Ефремов. — Он пожал Вадиму руку, не глядя на него. — Господин Розанов. — Розанов задержался в рукопожатии на миг дольше, чем нужно, и за этот миг успел спрятать свою широкую улыбку. — Начнём?

Начали. Розанов лично, с торжественностью, развернул первую карту: «Портрет женщины в синем», школа Феса, провенанс — частное собрание, далее — «из коллекции семьи бен Аммар», далее цепочка наследований, красиво, как заплетённая коса. Читала строчку за строчкой, и холод полз по спине позвонок за позвонком.

Потому что помнила эту бумагу. Оригинал мне в руки не попадал. Зато копию, которую Вадим принёс мне в марте, «сфотографированную в архиве», знала прекрасно: сверила почерки и согласилась — хорошо, подписываю. А потом, уже позже, за неделю до вылета, случайно увидела в его файлах вторую версию той же бумаги — с другими датами. Тогда нашлось объяснение: ошибка, скан, черновик. Думаешь о человеке девять лет — найдёшь оправдание и десятому.

Подписанная мной экспертиза сопровождала картину, у которой, возможно, никогда не было той истории, что теперь была заверена моей настоящей подписью.

— Госпожа Гусева, — голос Халида разрезал мой столбняк. — Вы эксперт сделки. Вы подтвердили этот провенанс?

Глава 3. Сделка, которой не будет

Двадцать четыре человека смотрели на меня. Вадим смотрел особенно внимательно — инструкция во взгляде читалась чётко, как упаковочный лист: не смей.

— Я готовила заключение. — Оторвав взгляд от Вадима, повернулась к Халиду и встретила его внимание. — По представленным мне копиям архивных документов.

— По копиям, — повторил Халид. Он произнёс это без интонации, но слово легло на стол, как нож. — Господин Ефремов. Десять минут назад мой человек показал мне оригинал, который вы представили моему представителю как подлинник из архива моей семьи. Архив моей семьи не выдаёт подлинники посредникам — его знает каждый уважающий себя эксперт. Мой дед не выдал бы бумагу соседу за соль. Оригинал, который вы показали, — работа очень хорошего бухгалтера, а не архивариуса. Бухгалтера, между прочим, я бы взял к себе. Место ему — тюрьма.

Ветер тронул листья апельсина во дворе. Фонтан плескался. Никто не дышал. Где-то в глубине дома завершилась запись лютни, и наступившая тишина стала ещё глуше.

— Господин бен Аммар... — Розанов начал подниматься.

— Нет. — Халид остался стоять у стола.

Просто «нет». От этого слова в груди обрушилось что-то большое — мостовыми пролётами. Сделка на двести миллионов умерла в одном слове, и умерла тихо, без криков. Так умирают по-настоящему большие вещи: не от крика — от короткого слова того, кто имеет право его сказать.

— Все работы, проходившие через это заключение, — Халид кивнул на папки, — снимаются с продажи и остаются у меня до внутренней ревизии. Господин Розанов, ваши юристы получат мои предложения по возврату уплаченного. Господин Ефремов, со мной будете говорить не вы, а ваши юристы. Если найдёте тех, кто ещё возьмётся.

Розанов медленно сел. Его лицо наливалось цветом от шеи вверх — лицо человека, у которого на глазах горят деньги, а схватить нечем. Соня рядом с Вадимом побелела под пудрой — впрочем, не так, как белеют от неожиданности. Так белеют от того, что сценарий пошёл не по ролям. Она дёрнулась было к отцу, потом пересчитала что-то за секунду и осталась сидеть, только пальцы с красными ногтями вцепились в сумочку.

И тут Вадим сделал то, что должен был сделать. То, ради чего я, возможно, и была привезена сюда.

— Господин бен Аммар. — Он поднялся, и голос его зазвучал легко, с горькой обидой честного человека. — Понимаю ваш шок. Я сам в шоке. Экспертное заключение по всем двадцати восьми работам готовила и подписывала госпожа Гусева. Лично. Каждый лист. — Он повернулся ко мне, и лицо у него было трагическое, благородное, прекрасное. — Ася. Если ты что-то знала — скажи сейчас. Я прощу, но эти люди должны слышать правду.

Вот она, сцена, которую он готовил, наверное, с самого самолёта. Может, с начала этого года — с появления Сони. Стрелочная. Неудачница с дипломом. Девочка, подпись которой теперь стоила минус восемь нулей. И в первую секунду — по инерции, за десять лет — чуть не сорвалось извинение. Почти открыла рот, чтобы сказать «да, подпись моя». Правда же. Подпись моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.